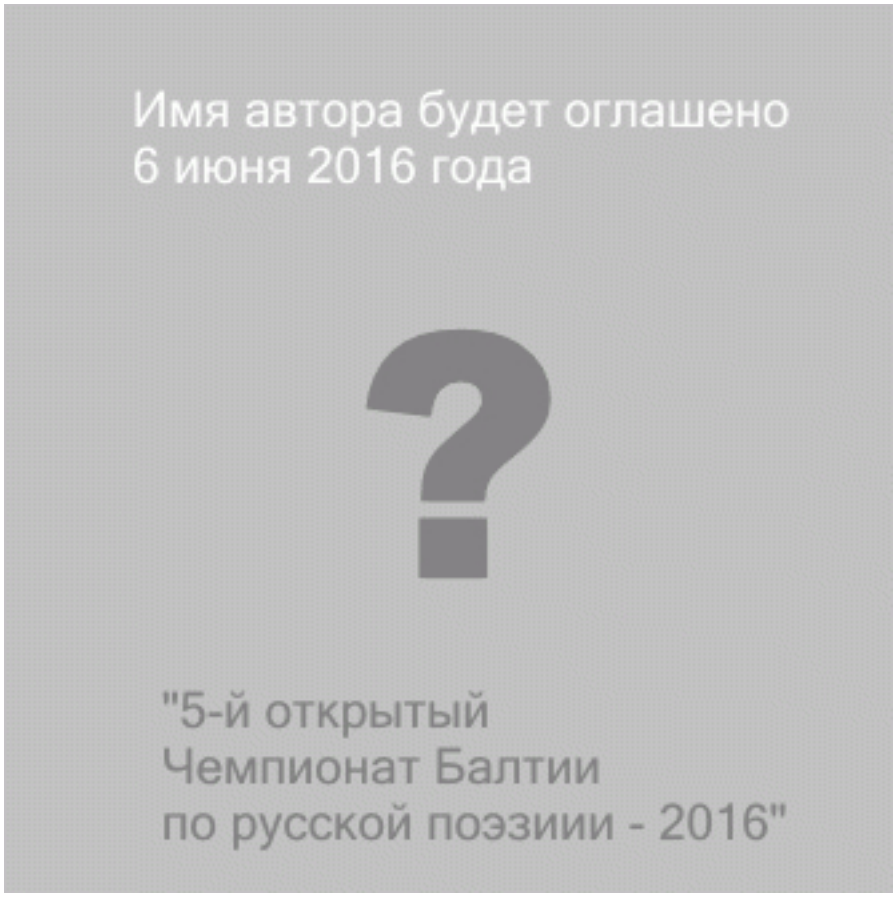
Автор: Оргкомитет
22.04.2016 12:30



Имя автора конкурсной подборки будет объявлено 6 июня 2016 года в итоговом протоколе конкурса.

МНЕМОЗИНА

* * *

там, где русалки выходят играть на речную мель,
где расстилают поля, еще не остыв от брани,
скатерть-скатёрку, приветливую постель,
а гимнастёрки по-братски закопаны с топорами,

где запылённый мужчина без женщины, как без ног,
полз по дороге, ведущей на деревенский праздник,
женщина всласть наливает колодезное вино
каждому чужестранцу. а после единым красным

делает губы и округляет квадраты дней,
преуменьшая немного, рассказывает иконе,
сколько же их, без следа, захлебнулось в её вине -

ветхозаветной вине, запрятанной под исподним.

всё передумано вдоволь, изношено до костей,
а уж такая была, что не передать словами:
и убирайтесь, и я не такая, и не из тех...
из деревянного ящика вновь доставала Ваню -

да молодого, с немного надорванным уголком,
да с полуграмотным выцветшим голосом на изнанке.
в небо глядишься – любуешься, как высоко
кружатся вестницы, соломенные веснянки.

издалека, из космоса, так хорошо смотреть,
как одноногий эдем за оградой бредёт на постриг
и опоясывает голубая лента чужую смерть,
словно бы разделяя местность на до и после.

Мнемозина

осень пришита дождями к каёмке лета,
к сгорбленным горкам, пустующим во дворах,
август – к протяжным прощаниям на крылечках,
к горам ненужных, отныне ничьих, таблеток,
после – к визиту Харона в обличии доктора,
что констатирует, а не лечит.

столько обрывков собрать, повзрослевшим нам
(как же их много – и маленьких, и больших -
неуловимых, бесплотных, невыразимых...
в битое зеркало смотришься – не узнать) -
это сложней, чем лоскутное одеяло сшить,
и да поможет в том Мнемозина.

волей её воскресает смешной, неловкий
мой человечек, фломастером на бумаге,
номер-клеймо на резиновом ухе зайца,
лысые куклы – состриженные отголоски
где-то увиденной хроники про концлагерь
и (лишь бы осени в плен не сдаться),
дом, что покончил самосожженьем...
вы уж простите, пожалуйста, мой уют,
мой надувной уютец, наряд сорочий –
девочка ль, мальчик ли Женя,
сломавший/сломавшая жизнь свою
(а ведь надеялись – позвоночник).

господи, а вот могли бы...
да не могли бы.
нам ни дорог, ни родителей не выбирать.
господи, твой ли посланец - разносчик-аист?

что же такое творится, малышка Клио?
мама твоя – и неласкова, и недобра,
а у подружек, назло, на зависть –

трезвые, и не подводят, не пропадают,
а уж красивые, светлые... там, у них
все постарели – до срока никто не умер.
только твоя – всё суровей, мрачней с годами,
не просыхает от выплаканных в дневник
вер, и надежд, и любовей (читай: безумий).

если захочешь, потом для тебя сошью
новую маму - хорошую, добрую.
да не захочешь ведь, знаю...

нам, повзрослевшим, вчерашние жмут слова,
но не меняем мы их.
и мучается трава,
след наш запоминая.

Фонари

вдоль эдемского сада две сумеречные тени
проходили и слышали через дыру в заборе,
как большая яблоня маленькой шелестела:
фонари – это бывшие яблони, каменные от горя.

придорожные дети питаются их плодами –
сбили палкой и вот, догрызают тугой бочок.
а на небе в тот самый миг родилась звезда их,
но они не боятся её, не узнав ещё,

что звезда расцветёт, и будет уже не скрыться
от ее беспощадного света - ни там, ни тут.
подрастут – опоздать не смогут на встречу с птицей,
по последнему трапу в утробу ее взойдут.

аз воздам - по начертанному билету.
и фонарь на прощанье, злопамятно и багрово,
подмигнёт им своим единственным и последним

недоступным ребёнком
и теменью их укроет.